

В. И. ЧЕРНЫШЕВ

РАЗЫСКАНИЯ И ЗАМЕЧАНИЯ О НЕКОТОРЫХ РУССКИХ ВЫРАЖЕНИЯХ

Настоящие разыскания и замечания о некоторых русских выражениях касаются главным образом чисто народных фразеологических сочетаний, преимущественно тех, которые не чужды и литературному языку, — разговорному и книжному.

Цель данных замечаний состоит в том, чтобы установить с большей или меньшей ясностью утраченный смысл тех выражений, которые употребляются по привычке, и хотя их общее значение достаточно осознается, но отдельные слова данных сочетаний не всеми хорошо понимаются.

Не имея в виду затрагивать в нашем изложении слишком обширный материал, мы остановимся лишь на некоторых типичных случаях.

ПОРЧА ВЫРАЖЕНИЙ И ПОСЛОВИЦ

Прежде всего, рассматриваемый нами в этой работе словесный материал, давно и всеми употребляемый, подвержен некоторой порче в разнообразных отношениях. Легче всего это показать на пословицах. Они близки к устойчивым сочетаниям по своей исторической судьбе, часто с ними скрещиваются и нередко так мало от них отличаются, что мы иногда смешиваем одни с другими.

Необыкновенно широкое распространение пословицы в нашем народе, способствуя ее развитию, привело также к созданию искаженных пословичных текстов.

Пушкин указывает искажение пословиц в романе Загоскина „Юрий Милославский“. Он замечает: „Некоторые пословицы употреблены автором не в их первобытном смысле: из сказки

слова не выкинешь, вместо *из песни*. Слова составляют стих, и ~~песня~~ слова не выкинешь, не испортив склада; сказка — дело другое“.

Если ритм и рифма, которые в пословице почти необходимы, не смогли охранить ее от порчи, то тем более такая порча была возможна в фразеологических сочетаниях, чаще всего не скрепленных ни ритмом, ни рифмой. Например, в Толковом Словаре Даля находим странную пословицу: „Будь жена хоть *коза*, лишь бы золотые рога“ (под сл. *коза*). Естественно читать *коза*, чтобы оправдать выражение *золотые рога*. Так, действительно, мы и находим в романе Мельникова (Печерского) „В лесах“: „Хорошей жизни Алексею все хочется, довольства, обилия во всем; *будь жена хоть коза, только б с золотыми рогами*, да смиренная, покладистая“... (ч. II, гл. 10). Эту пословицу напоминают и слова купца Восмибратова в комедии А. Н. Островского „Лес“: он хочет женить своего сына Петра „хоть *на козе*, да с деньгами“ (действие II, явл. 1-е).

Иногда наши выражения и пословицы искажаются неудовлетворительной графической передачей. Так, в Словаре Даля находим: „*Красную жену в стенку врезать — не картинка*“ (под сл. *красный*: изд. 1905 г. и 1881 г.). Очевидно, следует читать: „*не в стенку врезать*, потому что *не картинка*“, т. е. и красивая жена должна работать; или же: *в стенку врезать*, так как она *картинка*, т. е. ее не следует считать работницей в доме мужа.

Неудачная орфография тоже может помешать правильному пониманию текста выражений. Так, в Словаре Даля встречаются народные фразеологические сочетания в такой форме: „*Гусь чевошник, утка таковка*“ (под сл. *чево, чего*). При народном слове *чевошник*, т. е. произносящий местоимение родительного падежа от *что* с окончанием — *во*, Даль помещает и приведенное выше народное название гуся. Но это название гуся относится как раз не к тем говорам, в которых говорят *чево*, а к тем, в которых слышится *чего*, с окончанием, имеющим длительное γ (греческое γ , передаваемое буквой „гамма“). Только

правописание с окончанием *-го*, в данном случае с основой *чего* (а не *чево*) передает вполне точно происхождение слова *чегошник* из южных русских говоров в связи с определением крика гуся словами *гоготать*, *гоготанье*. Это название гуся — *чегошник* связано, по определению Даля, с придыхательным (по поправке Бодуэна де Куртене: спирантным) произношением буквы *г* „в междометии *го*“ (см. это слово).

Неполнота — один из видов порчи старых пословиц, поговорок, устойчивых фразеологических сочетаний. Мы привыкли к выражению: „*Голод — не тетка*“, но мы не знаем, что прежде оно было полнее и потому яснее. Так, в издании И. Снегирева „Русские народные пословицы и притчи“, М., 1848, мы читаем: „*Голод не тетка, пирожка не подсунет*“.

В Академическом словаре 1847 г. находим следующее выражение с пояснением: „*Молоко на губах не обсохло*“ — пословица, означающая молодость, незрелость юноши (под сл. *молоко*). В таком виде это выражение встречается в романе А. Н. Толстого „Петр I“

В народе же говорится так: „У него (у тебя) еще *материно* молоко на губах не обсохло“ (б. Владимирская губ., б. уезды Юрьевский и Покровский). Здесь смысл вполне уточняется: „Ты еще недавно был младенцем, питавшимся молоком матери: ты еще очень молод“.

ОБЛАСТНЫЕ И УСТАРЕЛЫЕ СЛОВА В ВЫРАЖЕНИЯХ, ЗАТРУДНЯЮЩИЕ ИХ ПОНИМАНИЕ

Нередко особые выражения оказываются для нас непонятными потому, что в составе их находятся забытые старые или малоизвестные областные слова. Таковы, например, случаи, которые приводили в недоумение академика Ф. Е. Корша при просмотре „Старинных сборников русских пословиц“, изданных П. К. Симони (СПб., 1899). Так, в пословице под № 1105: „*Э горя не ушиптися, а хлеба не лишитися*“ — Ф. Е. Корш признает слово *ушиптися* искажением какого-либо другого слова, например, *иссушитися*. Но слово *ушип-*

тися есть, очевидно, иное образование известного слова *ушибитися* (ушибиться), и потому данный текст не нуждается ни в какой поправке.

В пословице под № 1762: „*Не горшок купят — угодник*“ — Ф. Е. Корш для осмысления предполагает такой первоначальный текст: „*Не угодник горшок лепит*“. Но приведенный у Симони текст так хорошо передает наш северный народный говор, что в данном случае никакие поправки не нужны. Подобные выражения есть в известных мне народных говорах: я слышал их, например, на базарах г. Киржача. Здесь слово — *угодник* значит: предмет, на все пригодный. Словарь Даля дает ту же поговорку, только во множественном числе: „*Не горшки купят, а угодники*“.

Напрасно также Ф. Е. Корш был смущен содержанием пословицы под № 1629: „*Медведь лег, и игра полегла*“. Он предлагал чтение: и *трава* вместо и *игра*. Но речь идет, очевидно, о *дрессированном медведе*. Ср. варианты данной пословицы в собрании Снегирева, стр. 220, № 70: „*Медведь пал, игры только*“, а также костромской вариант: и *игра встала*.

ОСОБЫЕ ЗНАЧЕНИЯ ИЗВЕСТНЫХ СЛОВ В ВЫРАЖЕНИЯХ, ВЫЗЫВАЮЩИЕ ЛОЖНОЕ ПОНИМАНИЕ ВЫРАЖЕНИЙ

В живом народном языке, в фольклоре, в старой русской письменности мы встречаем немало непонятных или вызывающих неправильные толкования выражений вследствие необычайного значения слов, включенных в состав этих обычных сочетаний.

1. У Даля приводится выражение: „*Суди-боги класть* (т. е. плакаться, жаловаться) на обиду сильного“ (под сл. *бог*). Не всем понятно, что оно происходит из выражений: „*Суди бог того, кто меня, тебя или его обидел*“, т. е. означает милостивое прощение обидчика. Оно также связано с приводимыми Далем там же пословицами: „*Обидчика бог судит*“. „*Суди бог того, кто обидит кого*“.

Однако в данном выражении есть некоторый оттенок протеста, как бы иронии над этой, внушаемой церковью, покорностью.

2. „Вот тебе бог, а вот и порог“. Старое народное предложение нетерпимому гостю или посетителю удалиться из дома. Здесь бог значит: „икона“, „образ“; общий смысл выражения: „помолись и уходи“.

3. В старых пословицах, изданных П. К. Симоны, под № 1829 читаем: „Пить быком, слыть мужиком“. Пить быком значит: „пить в припадку“, не взяв сосуда с питьем в руки, что уже издавна считалось неприличным. Выражение известно мне в говорах б. Владимирской губ., в б. уездах Юрьевском и Покровском, ныне вошедших в состав Ивановской обл.

4. Многие неправильно понимают пословицное выражение: „Что за честь, когда нечего есть“. Здесь честь не значит: „честность“, но значит: „соблюдение принятых приличий в обращении“, „этикет“. Пословица эта говорит о том, что бедным людям разрешается не соблюдать принятых приличий и требований, например, в приеме, угощении посетителей. В народе говорят: нечестно одет, т. е. бедно, не по-праздничному, не по моде (б. Покровский у.). Сюда же относятся народные выражения: „Пора и честь знать“. „Честь предложена, а от убытку бог избавил“ (говорят, когда кто-либо отказывается от приглашения прийти в гости). Здесь честь — „приличие“, „вежливость“, „любезность“. Честью прошу — прошу учтиво, вежливо, не прибегая к силе или власти.

ЗАИМСТВОВАННЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Особые затруднения в понимании выражений возникают, конечно, тогда, когда они являются буквальными переводами идиоматических и образных оборотов с чужих языков.

Иногда затруднения в истолковании выражений происходят от сближения русских выражений с заимствованными. Так, например, у Михельсона „Русская мысль и речь“, выражение *Белая ночь* объясняется: (иноск.) бессонная. Затем приводится пример из романа Григоровича „Проселочные дороги“, ч. II,

гл. 3: „Если принять в соображение непрерывный ряд *белых ночей*, проведенных Порфирием Павловичем посреди удовольствий, столько же разнообразных, сколько и одуряющих — невольно придешь в справедливое изумление перед тем, как мог еще Порфирий Павлович не сойти в преждевременную могилу“ ...

Затем даются две цитаты из Достоевского: „Вчера было наше третье свидание, наша третья — *белая ночь*“ ... („Белые ночи“) [„Воротился я домой уже в четыре часа, в *белую*, светлую как днем петербургскую *ночь*“ ... („Дневник писателя за 1877 г.“, январь, гл. II, отд. 3).

Дальше указывается для сравнения французское выражение *passer une nuit blanche* с объяснением, что это выражение происходит из старого обычая, по которому воины, удостоенные звания рыцаря, проводили ночь перед посвящением в священном месте без сна, вооруженные и одетые в белое.

Эти указания очень интересны и правильны относительно примера из Григоровича с указанным значением, взятым из французского языка, вполне естественным для данного писателя. Здесь не может быть иного истолкования данного выражения, потому что действие романа Григоровича происходит в Москве, где *белых* ночей в буквальном значении этого слова нет.

Что же касается цитат из Достоевского, то в них выражение *белые ночи* имеет прямое, реальное значение, которое особенно ясно видно во второй из приведенных цитат (ср. *белый день — ясный*).

ПЕРЕОСМЫСЛЕНИЕ НЕЯСНЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Иногда мы даем новые толкования на основании догадок и потери прежнего значения устойчивых сочетаний. Таково, например, выражение: „У него (у нее) *ушки на макушке*“.

В народном языке и русском литературном оно означает большую радость. В новых городских говорах оно переос-

мыслено и понимается как состояние напряженного внимания. Так истолковано это выражение уже в Словаре Даля (под сл. *ухо*).

Однако показания народного языка и ясные примеры из произведений наших замечательных писателей старших поколений дают названное выражение именно с значением радости. „Я уже с матерью за кофеем разговорилась, да шутя и забросила словечко: у ней, кажется, и *ушки на макушке от радости*“ (Гончаров, „Обыкновенная история“, ч. II, гл. 6). Так же следует объяснять и стихотворение Лермонтова: „У наших *ушки на макушке*“ („Бородино“), хотя большинство учителей теперь, вероятно, истолковывает его в новом, переосмысленном значении (ср. „Словарь русского языка“, т. VI, в. 1, Л., 1927, стр. 84).

ВЫРАЖЕНИЯ, ОТРАЖАЮЩИЕ ЯВЛЕНИЯ ЗАБЫТОЙ И ПРОВИНЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ

Многие русские народные выражения теперь нам не вполне ясны потому, что они отражают ушедший от нас старый быт, составлялись в условиях жизни далекого прошлого. Их значение раскрывается историей и этнографией.

1. В Словаре Даля мы находим выражение: „*Помилуй (вынеси), господь, коня и меня*“ (под сл. *конь*). Очевидно, первоначально оно относилось к воину-всаднику, спасающемуся от преследования.

2. В народных характеристиках старых русских городов есть выражение: „*Даниловцы-невыдавцы*“. На первый взгляд кажется, что жители г. Данилова (Ярославской обл.) отличаются духом товарищества, защищают, не выдают друг друга. Академик А. И. Соболевский предложил любопытное и весьма правдоподобное историческое объяснение слова *невыдавцы*: вероятно, жители г. Данилова некогда имели своих выборных судей и не выдавались на суд воеводам.

3. Мы часто употребляем ироническое выражение: „*Держи (или подставляй, растопырь) карман*“ в значении ожидаемого

отказа или невозможности получить что-нибудь, особенно деньги, сладости, вообще мелкие вещи, вмещающиеся в карман. Однако, говоря: „Держи карман шире“, „растопырь карман“ и т. п., мы несколько недоумеваем, как можно *держат* карман и при том *расширять* его, когда он вшит в одежду. Некоторое разъяснение вопроса дает текст следующей плясовой народной песенки, которую я слышал в годы своей молодости в б. Александровском уезде б. Владимирской губ. (ныне Ивановская область): „Он (милый) пришел ко мне не рано. Он принес мне три кармана: первый карман с пирогами, второй карман с орехами, третий карман со деньгами“... Очевидно, здесь карман — отдельная сумочка, еще не пришиваемая к платью. Таких карманов можно нести и один, и два, и три, и больше. Такой карман можно *держат*, *подставлять*, *расширять*, *растопыривать* и т. п. (ср. Соболевский, „Великорусские народные песни“, т. II, № 490 и 491)

4. „Хоть из земли достань“ говорят, требуя чего-либо, особенно уплаты денег. Это выражение ведет начало от старого обычая зарывать деньги (металлические) в землю, чтобы воспользоваться ими в случае крайней необходимости.

5. Выражение: „Не дам, не позволю себе на ногу наступить“ значит: „не позволю себя обидеть“. Оно является следствием русских народных обычаев. В свадебном обряде б. Крестецкого у. б. Новгородской губ. утром перед венчанием после обряда выкупа невесты „дружко сажает на подушку жениха и невесту и вручает невестину руку жениху. Жених принимает руку, жмет ее и наступает невесте на ногу. Невеста от боли плачет и причитает“... Далее дается текст причитания (П. В. Шейн „Великорусс“, 1900, стр. 503). В рукописях архива Географического общества мы находим описание подобного обычая у крестьян с. Сергиевского, Осташкова тож, б. Новоторжского у. б. Тверской губ. (ныне Калининской обл.): „Когда священник сводит новобрачных и ставит их на разостланный около аналоя платок, называемый подножками,

начинается между женихом и невестою борьба ногами, которая нередко продолжается более минуты. Жених хочет наступить прежде на ногу невесте, а невеста — на ногу жениху. Это значит, что кто кому первый наступит на ногу, тот будет повелителем“... (Тверская губ., рук. № 42, 18 февр. 1874 г. „Обычай крестьян Тверской губ.“, стр. 30).

6. Хорошо известно картинное выражение: „Как с гуся вода“. Оно означает легкий исход в случае проступка, неприятности и т. п. Это выражение, повидимому, некогда входило в народные заклинания. В Словаре Даля находим: „*Лейся беда, как с гуся вода*“ (под сл. *гусь*).

В рукописном словаре Луканина данное выражение связывается с приговором, который произносят бабушки-лекарки для излечения детских болезней. Они шепчут заговор над водой, кладут туда горящий уголек и окачивают ей больного ребенка, говоря: „С гуся вода, с лебедя вода... , а с такогото (имя ребенка) худобѣ“ (т. е. болезнь) (б. Пермская губ., б. Оханский уезд, г. Мещовск, Смол. обл.).

7. В письме к Пушкину от 7 апреля 1826 г. Дельвиг говорит: „Надеюсь на тебя, как на каменную стену“. Это — общеизвестное выражение. Мы знаем его также в форме: „Я за тобой, что за каменной стеной“ (Даль, Словарь, под сл. *стена*). Точное значение его выясняется более старой формой, которую мы находим у Сумарокова в комедии „Пустая ссора“ (явл. 8-е). Здесь Кимар говорит Оронту: „Надейся на меня, как на городскую стену“ (Соч., изд. 2, ч. V, М., 1787, стр. 336). Этот текст показывает нам, о какой именно стене говорится в подобных пословичных и устойчивых выражениях: это *стена*, окружающая город-крепость для защиты его от неприятельского войска. Вместе с тем проясняются и другие выражения с словом *стена* в том же значении: „Лбом *стену*, не пробьешь, не проломишь“. „*Стены* не перелезем, так *под стену* подкопаемся“. „*На стену* лезть“ — прийти в неистовство, в исступленье (Даль, Словарь, под сл. *стена*). В данном Далем объяснении последнего выражения необходимо отметить, что оно отражает уже вторичное значение

этого выражения, когда оно утратило свой настоящий смысл. Исторически оно обозначало прежде всего проявление большой храбрости и силы и относилось к войне, осаде и взятию городов. Удаленные от такого понимания пословицы и фразеологические сочетания со словом *стена* представляются действиями не мотивированными и непонятными и осмысливаются уже как проявление неистовства, исступления, как это мы видим в объяснениях выражения: „*лезть на стену*“.

8., *Целовать, поцеловать замок*.“ В говорах б. Владимирской губ., б. Покровского уезда, значит: „прийти в гости и увидеть двери дома запертыми на замок“.

В украинских свадебных обычаях есть обряд *целования замка церкви* перед брачным пиром во время катанья жениха по селу (б. Бирюченский у., б. Воронежской губ.; Д. К. Зеленин. Описание Архива Географического Общ., стр. 339, сообщение 1850-х годов).

ОСОБО ТЕМНЫЕ ВЫРАЖЕНИЯ

Мы имеем много других выражений, еще более темных по значению и происхождению. Для выяснения их требуются разыскания главным образом в истории языка, быта, в наших живых русских говорах. Попытаемся предложить подобные исследования о некоторых темных выражениях.

1. „*Маланьина свадьба*“. Обширные хозяйственные приготовления по части стола нередко связываются у нас с представлением о какой-то *Маланьиной свадьбе*. Говорят: „Настряпали, наготовили, словно на *Маланьину свадьбу*“. Словоупотребление это довольно старое и более областное, чем литературное. Объяснение его давно отыскивалось в историческом плане. Исследователи надеялись найти какую-то очень известную и богатую *Маланью* (Меланью), получить сведения о ее свадьбе с чрезвычайно обильным угощением, и таким образом установить происхождение данного выражения. Историческую справку с таким решением вопроса мы имеем в книге М. И. Михельсона „Русская мысль и речь“ ..., т. I, стр. 558,

где говорится, что в выражении „Маланьина свадьба“ мы имеем „намеки на свадьбу донского атамана Степана Даниловича Ефремова с Маланьей Карповной, бывшей черкасской торговкой, красавицей; празднование отличалось необыкновенной пышностью и обилием яств и питий“. Далее указываются два исторические источника, из которых взято данное объяснение.

Но исторические справки и указания не являются здесь вполне убедительными. Остаются неясными вопросы: Почему данное выражение так широко распространено? Какая связь между именем *Маланья* (Мелания) и богатством? Несомненно, были очень богатые невесты с другими, более употребительными именами: Анна, Варвара, Вера, Елена, Мария и т. п. Почему же их свадьбы не вошли в пословицу?

Мы думаем, что решение вопроса о происхождении выражения „*Маланьина свадьба*“ нужно искать в народном быте, в народных праздниках и связанных с ними обычаях. Заметим, что рядом с данным выражением с таким же значением существует выражение: „*Маланьины именины*“ („Словарь русского языка“, т. VI, в. I, сл. *Маланьин*).

По церковному календарю день Мелании Римляныни приходится на 31 декабря, т. е. на канун нового года. В старой России это был большой народный праздник молодежи, особенно хорошо и долго сохранявшийся на Украине. „На Маланку“ здесь в разных местах хозяйки в обилии пекли ~~и варили~~ блины, оладьи, пампушки, вареники, колбасы с кашей, с определенным назначением — раздавать их молодым людям, которые приходили петь „щедрилки“, обрядовые песенки, прославляющие хозяев, и др. Для увеселения и получения угощения в этот, по народному названию, „щедрый вечер“ по домам ходили ряженые с музыкой, танцами. Между прочим, они разыгрывали шуточную свадьбу *Васыля* (Василия Кесарийского, день 1 января) и *Меланки*. Подобные вечерние празднования кануна нового года (точнее — дня 1 января), в день *Маланьи* — *Меланьины именины* — в народных играх соединенные и с *Маланьиной свадьбой*, без сомнения, прежде

были широко распространены в русском народе. Но в Московской Руси, среди великорусского населения, их изгнало из обращения ревнивое и властное московское духовенство, преследовавшее всякие народные праздники, увеселения, игры и обряды (ср. „Стоглав“, гл. 93 и 94). Однако следы народного празднования *Маланьиных именин* остались в преданиях и песнях вне пределов Украины. Например, в брошюре Н. М. Костюриной: „Сибирские народные песни“, Тобольск, 1895, стр. 64, под № 93 находим игровую песню: „На Маланьины именины коровай испекли“... (из Шелеховской волости, Ишимского округа). В „Великоруссе“ Шейна находим шутивную песню с именем *Маланьи* (стр. 297, № 1012). У Соболевского в „Великорусских народных песнях“, VII, № 230 находим: „*Маланьин зять богатый*“. Итак, полагаем, что в основе выражений: „*Маланьина свадьба*“, „*Маланьины именины*“ лежат обычай старого народного праздника в день Мелании, 31 декабря, когда хорошим хозяевам нужно было приготовить очень много кушанья, чтобы раздавать его молодежи всего поселка, посещающей своих соседей с поздравительными песнями и веселыми играми.

Основная песня посетителей вечером этого дня прямо состояла в выпрашивании еды: „Шедрик ведрик, Дайте вареник, Грудочку кашки, Кільце ковбаски. Ще того мало — Дайте сала“... и т. д. (А. Терещенко, „Быт русского народа“, СПб., 1848, ч. VII, стр. 82). Первичным, вероятно, следует считать выражение „*Маланьины именины*“, так как особенно большие приготовления приходилось делать тем семействам, в доме которых находилась Маланья-именинница. Что касается свадьбы Маланьи, то в этот день она не допускалась церковными правилами; в данном случае название оправдывается шуточными играми этого дня, изображающими свадьбу. Об этом имеем указание в книге В. Н. Ястребова „Материалы по этнографии Новороссийского края...“ Одесса, 1894, стр. 24.

Михельсон указывает еще выражение „*Маланьина свадьба*“ со значением: „не обещающая мирного сожительства“

в романе Лескова „На ножах“, ч. IV, гл. 17: „От досады замуж идет, или она затем выходит, чтобы показать, что на ней еще и после амуров с Гордашкой честные люди могут жениться? ... Когда же будет эта их (Ларисы и Подозерова) „Маланьина свадьба?“ В данном случае историческое объяснение, действительно, не приложимо. Впрочем, толкование данного выражения, которое дается у Михельсона на основании контекста, едва ли точно. Скорее здесь имеется в виду: „бра́к формальный, непрочный, не подготовленный постоянной серьезной взаимностью“. Этнографическая точка зрения лучше объясняет сущность дела. Это не настоящий брак, а пародия на него, игра, подобная той свадьбе Васыля и Меланки, которую разыгрывают 31 декабря.

2. „Соха Андреевна“. Так называлось еще совсем недавно русским крестьянским населением наше старое земледельческое орудие соха в разных местах старой России. Сокращенно, говорили: „Андреевна“ или, по народному произношению, „Андревна“, с пропуском имени, как это применяется и в названиях лиц. Насколько широко распространено это название, видно из того, что оно показано и на Крайнем Севере (Г. Куликовский, „Словарь обл. олонецкого наречия“) и в области Черноморского побережья (Малашкин, „Поход колонн“, ч. I, гл. 2). Выражение „Соха Андреевна“ не из старых, но его указал уже Даль в своем Словаре, в котором привел пословицу: „Полюби Андревну (соху), будешь с хлебом“. На него обратил внимание Ф. М. Достоевский и отметил его в своей сибирской записной книжке 40-х годов: „Я ведь, брат, взят от Сохи Андреевны, лаптем щи хлебал“ (Звенья“, VI, 1936, № 37, стр. 416).

Название это, несомненно, ласковое и шутовское. Как оно произошло? Каким образом нарицательное существительное соха получило отчество, подобно личным именам, и при этом отчество определенное?

В русских диалектах мы находим некоторые данные, поясняющие, как могла возникнуть эта игра словами и распространиться в русском языке.

Во-первых, в разных русских народных говорах женские имена Дарья, Марья, Софья и другие принимают окончание *ха*: Даха, Маха, Соха и т. п. с значением ласкательных, соответственно общепринятым: Даша, Маша. Подобные образования показаны, например, в следующих источниках: Е. Якушкин „Материалы для словаря народного языка в Ярослав. губ.“, Ярославль, 1896; М. Я. Феноменов „Современная деревня“, 1925. Наблюдения над говорами б. Валдайского у. б. Новгородской г. показывают образования: Маха — Маша, Наха — Настя, Саха — Саша. По моим наблюдениям в говорах б. Новгородского у. известны уменьшительно-ласкательные женские имена: Соха (Софья), Таха (Татьяна).

Здесь получается шаг к сближению слов: *соха* — земледельческое орудие и Софья-С^оха — женское имя. Правда, эти слова отличаются ударением, но в винительном падеже ед. числа эта разница устраняется, так как и в том и другом слове ударение падает на начальный слог: „Починил изломанную соху“ и „Видел свою сестру Соху“. Такое совпадение — основание для шуточного сближения слов, каламбура. Итак, если нарицательное имя соха когда-либо сближается с собственным Софья, то получившемуся человеческому имени Соха можно придать и отчество. Но такое отчество нужно выбрать и выбрать со смыслом, по некоторой близости, производственному, трудовому родству слов. Так оно и сделано.

Отправляясь пахать, крестьяне обыкновенно перевозят соху в поле на вожовой телеге, которая называется *одрец* (от *одр*). Это название в местных говорах иногда звучит: *ондрец* (при оканье) или *андрец* (при аканье). Указания на эти словоупотребления имеем в Словаре Даля, под сл. *андрец* и *одр, одрец*. См. также „Труды Комиссии по диалектологии русского языка“, в. XI, 1930, стр. 83: *ондрец* — телега вожая (б. Грязовецкий у.); Д. К. Зеленин „Отчет о диалектологической поездке в Вятскую губ.“, 1903, стр. 24, *андрец, одрец* — телега для возки снопов (говоры около г. Яранска).

В данном случае получилось сближение с личным именем *Андрей*, по северному произношению — *Ондрей*. Так появляется обоснованная возможность для шуточного присвоения *сохе-Сохе-Софье* отчества *Андреевна, Ондреевна, Андревна*, что и наблюдается в некоторых наших народных говорах. Это сближение тем более естественно, что в русском языке имеются личные имена с суффиксом *ец*: древнерусские *Василец, Иванец, Яковец* и др.; череповецкое *Васенец* (Герасимов, „Словарь уездного череповецкого говора“, стр. 30); северодвинское *Обрамец* (Романов, рукописное сообщение); краснослободское *Ванец* и подобные, приближающиеся к образованиям *андреу, ондреу*.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

**ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО ЯЗЫКА**

Выпуск 1

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р

Губин, Владимир

ДОКЛАДЫ И СООБЩЕНИЯ
ИНСТИТУТА
РУССКОГО ЯЗЫКА

Марк Александрович

Выпуск I

Сократов

И. Гурвичев. 31 авг. 1948.

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1948 ЛЕНИНГРАД

ПОЛ. ...
Филологический факультет СПбГУ
Кафедра
русского языка